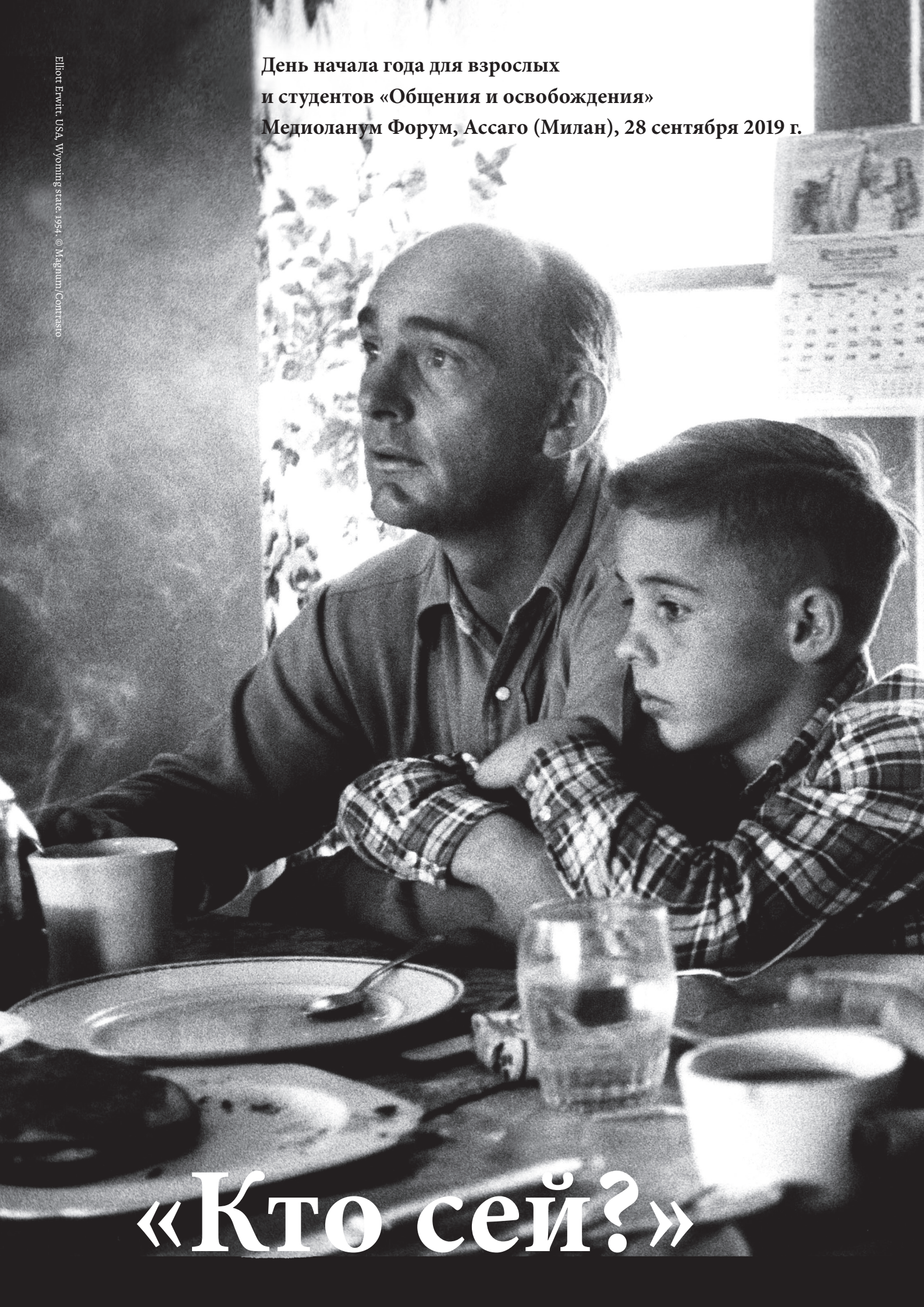

День начала года для взрослых
и студентов «Общениа и освобождения»
Медиоланум Форум, Ассаго (Милан), 28 сентября 2019 г.

«Кто сей?»

«Кто сей?»

День начала года для взрослых и студентов «Общения и освобождения»

Медиоланум Форум, Ассаго (Милан), 28 сентября 2019 г.

Хулиан Каррон

Попросим у Духа Святого нищеты сердца, чтобы мы могли открыться и позволить Христу охватить нас.

Гимн Святому Духу

В недавнем интервью на вопрос: «Какая тревога распространена сейчас больше всего?» – философ и психоаналитик Умберто Галимберти ответил: «Та, что порождена нигилизмом. Молодым людям плохо, и они даже не понимают почему. Им не хватает цели. Будущее для них из обещания превратилось в угрозу». И он тут же добавил: «В 1979-м, когда я начал заниматься психоанализом, проблемы носили эмоциональный, сентиментальный и сексуальный характер. Теперь же они связаны с отсутствием смысла» (U. Galimberti. *A 18 anni via da casa: ci vuole un servizio civile di 12 mesi* / Intervista di S. Lorenzetto // *Corriere della Sera*. 15 settembre. 2019).

Мне кажется, утверждения Галимберти хорошо описывают вызов, с которым каждый сталкивается в жизни. Мы ежедневно видим его на личном и общественном уровне (например, в эти дни в связи с решением Конституционного суда Италии об ассистированном суициде). Ставка столь высока, что невозможно пытаться понизить ее. Любые усилия в таком направлении лишь подтверждают решающее значение игры. На этот вызов нельзя ответить разговорами на отвлеченные громкие темы, с позиции морализма или сентиментальности, которые ничего не меняют. Он затрагивает, вплоть до самых корней, жизненный опыт каждого человека. Тот же профессор Галимберти это сознает, и потому на обращенный к нему вопрос: «В чем смысл существования?» – отвечает: «Я бы искал его в этике предела, в том, что греки называли золотой серединой». Каждый может проверить, в состоянии ли такой ответ восполнить «отсутствие смысла» и противостоять нигилизму, о котором говорил Галимберти.

Не знаю, удовлетворил бы его ответ автора вроде Мишеля Уэльбека, который в открытом письме Бернару-Анри Леви пишет: «Стыдно признаться, но мне все чаще хотелось, чтобы меня любили. <...> Однако по недолгом размышлении я всякий раз убеждался в нелепости этой мечты: у жизни есть пределы, а прощение невозможно. И все же размышления ни к чему не вели, желание пересиливало, и, должен признаться, оно и сейчас пересиливает» (Ср. М. Уэльбек. Письмо от 2 февраля 2008 г. // *Враги общества*. М.: Азбука). Уэльбек, подобно Галимберти, ощущает предел жизни, но это не истребляет в нем желание быть любимым, пусть даже в размышлениях оно представляется ему нелепым.

«Как важно чувствовать, что вопросы современных мужчин и женщин обращены к нам!» – сказал недавно папа Франциск участникам встречи, организованной Папским советом по новой евангелизации (21 сентября 2019 г.). Помимо того, что мы и сами часто задаемся теми же вопросами, они заставляют нас считаться с культурным контекстом, в котором мы живем. В качестве ответа на описанный вызов отец Джуссани предложил нам путь: опыт.

1. Опыт – слово-ключ ко всему

«Путь к истине является опытом», – эту фразу мы выбрали темой прошедшего лета. Сейчас, после всего пережитого, мы можем ответить на вопрос: «Действительно ли путь к истине является опытом?» Какие события, случившиеся с каждым из нас в последние месяцы, свидетельствуют об этом? Если мы не видим, как в нашем опыте воплощаются вещи, о которых мы говорим, ничто не сможет убедить ни нас, ни других, в их истинности. Вот почему отец Джуссани столь радикальным образом настаивал на опыте. Для него «реальность проясняется в опыте», как он говорил студентам в 1996 году (*In cammino. 1992–1998. Milano: Bur, 2014. P. 311*). И поэтому – подчеркивает он – «опыт есть слово-ключ ко всему» (*L'autocoscienza del cosmo. Milano: Bur, 2000. P. 274*).

Следовательно, если мы не хотим потерять харизму по мере пути, нужно осознать, действительно ли мы переживаем опыт. «Тот, кто не исходит из опыта, – повторяет Джуссани, – обманывает, хочет обмануть себя и других». Он продолжает: «Человек может исходить только из опыта... [ибо опыт] есть место, где реальность проступает... в определенном лице, определенным образом, под определенным углом» (*Ivi*). Поразительно слышать, как ярый нигилист вроде Уэльбека столь драматично подтверждает это: размышления подсказывали ему, что его желание быть любимым нелепо, но они оказались бессильны перед неоспоримым суждением, родившимся у него: «...желание пересиливало, и, должен признаться, оно и сейчас пересиливает». В этом суждении заключен опыт. Ничто не в состоянии усыпить желание, ничто не в состоянии утолить его.

Так мы еще раз убеждаемся, насколько важно замечание о методе, сделанное отцом Джуссани в первой же главе «Религиозного чувства»: только опыт как отправная точка позволяет нам познавать самих себя и реальность, понимать положение вещей, только он вывозит нас из рабства представлений, схем, редуциций, в которое мы часто попадаем под давлением внешнего мира, всеобщего менталитета или же того, что, на первый взгляд, нам удобнее.

Что же такое опыт? «Опыт, безусловно, совпадает с неким „переживанием“, однако в первую очередь он совпадает с суждением, вынесенным о том, что пережито. „Личность есть прежде всего сознательность. <...> А значит, опыт подразумевает понимание смысла вещей“» (Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. М.: Христианская Россия, 2004. С. 8). Итак, мы можем сказать, что путь к истине является опытом, только в том случае, если начи-

наем сознательно сопоставлять все, что переживаем, с потребностями, из которых мы сотканы. Недостаточно повторять, будто мантры, некие фразы, если потом мы постоянно сводим опыт к переживаниям, к чему-то сентиментальному, к самым мимолетным его сторонам. Часто это случается и с христианским опытом, с христианским событием. Поэтому-то для отца Джуссани так важно, чтобы мы хорошо усвоили то, как он понимает словом «опыт».

«Опыт – основополагающий метод, посредством которого природа благоприятствует развитию сознания и росту личности. Поэтому, если человек не замечает, что „растет“, нельзя говорить об опыте [осознание происходящего с нами не машинально]. Но, чтобы человек мог расти по-настоящему, его должно побуждать или ему должно помогать что-то отличное от него, *объективное*, что-то, с чем он „встречается“» (Ср. Л. Джуссани. *Путь к истине является опытом*. М.: Христианская Россия, 2006. С. 118).

Этот метод, верный в любой сфере познания, приложим и к познанию Тайны: «Именно благодаря истинному, объективному опыту люди обнаружили присутствие Бога в мире, – продолжает отец Джуссани. – Евангелист Иоанн вдохновенно пишет об этом первым христианам: „Жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем, и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам“. [Следовательно] благодаря истинному, объективному опыту [повторяет он] присутствие Христа в Его Церкви становится явным в истории человека сознательного. Встреча с христианской общиной или проверка ее вестей... также есть истинный и объективный опыт [еще одно настойчивое повторение!]» (Ср. *Там же*). Три раза отец Джуссани подчеркивает: мы говорим об «истинном, объективном опыте». Об «истинном», то есть о настоящем, ничем не хуже любого другого опыта. И об «объективном», ведь речь о столкновении с чем-то вне меня, с тем, что не я произвожу.

Дней двадцать назад один друг из Салвадора рассказывал: «С раннего детства я крутился в протестантской среде. Когда я стал постарше, меня крестили, а потом со временем я расхотел жить как протестанты. Я ушел и около года провел, сомневаясь относительно религии или даже посмеиваясь над ней. Я искал места, где проповедовали разум и науку в противовес религии. Но со всем тем моя жизнь не приносила удовлетворения. Я желал чего-то другого, но не знал чего. Я начал изучать другие религии, но всегда оставлял в стороне Католическую Церковь, которая казалась мне неправильной. И вот однажды друг детства решил пригласить меня на костюмированный праздник, устроенный группой ребят из моего квартала. Я пошел, потому что там не было ничего религиозного. Однако, уйдя с праздника, я стал спрашивать себя, почему, прочитав столько всего, я совершенно проигнорировал Католическую Церковь. Я начал относиться всерьез к моим вопросам, и не только стал что-то читать о Католической Церкви, но и по-настоящему искал ответ, на который откликнулись бы мой разум и мое сердце. В этих моих поисках я постепенно замечал: то, что я читал о Католической Церкви, находило во мне такой отклик, имело для меня смысл. Тогда я решил обратиться и принял крещение

в Католической Церкви, приступил к первому причастию и получил миропомазание. Я был счастлив, но хотел найти нечто большее. Мне нужно было место. Я видел разные варианты, но они внушали мне сильную тревогу, поскольку у меня складывалось впечатление, что Церковь замкнута и неизменно занимает оборонительную позицию, стараясь не допустить риск появления антипапы или чего-то в этом роде. И я спрашивал себя: если все так, то какой толк быть католиком? И я продолжил поиски до тех пор, пока не наткнулся на интервью Каррона, где он говорил: «Если Франциск не кажется нам лекарством, значит, мы не сознаем природу недуга» (X. Каррон. *Интервью для портала Crixnow.com*, 21 июня 2017 г.). Я нашел его мысли интересными, потому что это был иной взгляд, и, хотя в других местах в конце концов тоже говорили: «Мы верим в нашего Господа Иисуса Христа», – его слова не казались просто словами, в них была живая надежда. Помню, один отрывок из интервью приковал мое внимание. Каррон говорил о неженатых парах, которые начали общаться с некоторыми семьями из Движения. Несмотря на то, что последние никогда ничего не говорили о своих отношениях с Церковью, те люди решили вступить в брак – только благодаря встрече с ними. И я подумал: это мне интересно, это то, чего я искал! Так я начал наблюдать за Карроном. Мне хотелось знать, кто он и кто те люди. Я следовал за ними, встретился с членами «Общениа и освобождения» здесь, в Салвадоре. И я остался, поскольку увидел что-то иное, то, что мне соответствовало. Возможно, я ушел бы из Церкви, если бы не это место, где я начал по-новому смотреть на реальность и обрел новый взгляд на самого себя и большую любовь». Меня поражает, что человек, так рьяно искавший ответ, в котором нуждалось его сердце, был столь честным в отношении собственного опыта, что не остановился до тех пор, пока не встретился с некой действительностью, исторической, объективной, с конкретным лицом Церкви, с действительностью, которая в состоянии привлечь его и ответить на его основополагающее ожидание.

Имея в виду все это, мы можем понять, почему в определенный момент отец Джуссани признался: «Вот самое важное из всего сказанного мною в жизни: Бог, Который есть Тайна, явил Себя, сообщил о Себе людям так, что стал объектом их опыта. Тайна становится объектом нашего опыта; она становится объектом нашего опыта, отождествляясь со знаком, сотканным из времени и пространства» (L. Giussani. *L'autocoscienza del cosmo*. P. 164–165).

Это крайне важно. «Бог, чтобы Его признали, вошел в человеческую жизнь по-человечески, под видом человека, так что человеческие мысль, воображение и чувства были как бы „прикованы“, словно магнитом притянуты Им» (L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Milano: Bur, 2019. P. 36). Так можно проверить, присутствует ли Бог в истории, действует ли Христос в нашей жизни: если мы «прикованы», притянуты Им.

Евангелие невероятным образом свидетельствует об этом.

«Некто из фарисеев просил Его вкушать с ним пищи; и Он, войдя в дом фарисея, возлег. И вот, женщина того города, которая была грешница, узнав, что Он возлежит в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд

с миром и, став позади у ног Его и плача, начала обливаться слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром. Видя это, фарисей, пригласивший Его, сказал сам в себе: если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница. Обратившись к нему, Иисус сказал: Симон! Я имею нечто сказать тебе. Он говорит: скажи, Учитель. Иисус сказал: у одного заимодавца было два должника: один должен был пятьсот динариев, а другой пятьдесят, но как они не имели чем заплатить, он простил обоим. Скажи же, который из них более возлюбит его? Симон отвечал: думаю, тот, которому более простил. Он сказал ему: правильно ты рассудил. И, обратившись к женщине, сказал Симону: видишь ли ты эту женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал, а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отерла; ты целования Мне не дал, а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги; ты головы Мне маслом не помазал, а она миром помазала Мне ноги. А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит. Ей же сказал: прощаются тебе грехи. И возлежавшие с Ним начали говорить про себя: кто это, что и грехи прощает? Он же сказал женщине: вера твоя спасла тебя, иди с миром» (Лк. 7:36–50). Та женщина была словно магнитом притянута ко Христу.

Вот что существенно важно и для нас, и для мира. Если мы не притянуты Им, то подобны дрейфующим минам, вечно во власти наших мыслей, во власти наших реакций, во власти нашего образа мышления, во власти нашего подхода к вещам. Короче говоря, во власти ничто. Разница очевидна, когда встречаешь человека, целиком захваченного кем-то. Это и есть вера, потому-то и Иисус говорит женщине: «Вера твоя спасла тебя».

2. «Сын Человеческий, когда вернется, найдет ли еще веру на земле?»

Но тогда – второй пункт – с тех пор, как случилось это событие, с тех пор, как Бог вошел в историю под видом человека, вопрос только один, и отец Джуссани поставил его перед нами в лекции начала прошлого года, повторив слова Иисуса: «Сын Человеческий, когда вернется, найдет ли еще веру на земле?» (Ср. Лк. 18:8). Следовательно, наша проблема не в том, застанет ли Он нас за разговорами о Нем, на наших встречах или мероприятиях, а найдется ли среди нас еще хоть кто-то, кто словно магнитом притянут к Нему, кто позволяет Ему затронуть себя до самого нутра, спасаясь тем самым от небытия. Чтобы так могло быть, Присутствие, вошедшее в историю, должно оставаться в настоящем, как мы говорили во второй лекции упражнений Братства. Действительно, не наши усилия обеспечивают Его присутствие. Его постоянное пребывание в истории пообещал нам Он Сам: «Се, Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28:20). И поэтому наша настоящая проблема в том, готовы ли мы заметить Его в настоящем, как заметил наш друг из Салвадора, не упуская из виду происходящее: Его, Его, Который «происходит». Не само собой разумеется, что мы распознаем Его присутствие в событиях, которые с нами случаются, и в том, о чем мы друг другу рассказываем.

Как говорил отец Джуссани в лекции прошлого начала года, на карту поставлена не принадлежность к некой ассоциации: можно быть членом ассоциации и не замечать Его. Не ассоциации разрешают проблему нигилизма, отсутствия смысла, а лишь вера. Вот почему отец Джуссани говорил нам: «Именно веру мы ищем, именно веру мы хотим постичь, именно верой мы хотим жить» (Л. Джуссани. *«Живет то, что живет в настоящем»*. С. 3). Все остальное не в состоянии притянуть нас, вырвать из нигилизма.

Но как это возможно сегодня? Точно так же, как и в начале: необходимо столкнуться с присутствием, исполненным смысла, которое требует от нас нищеты, готовности позволить нас изумить. Он Сам, вновь являя Себя, делает нас нищими, пробуждает в нас открытость, благодаря которой мы позволяем себя изумлять и захватывать. «Лишенные [же] изумления, мы остаемся глухи к возвышенному», – говорил Хешель (эту фразу, процитированную в десятой главе «Религиозного чувства», выбрали темой Митинга 2020 г.). Иными словами, мы остаемся глухи к происходящему. По этой причине отец Джуссани призывает нас вживаться в изначальное событие. «Как люди начали верить?» Он настойчиво повторяет свой вопрос, чтобы мы вжились в начало, как свидетельствует о нем Священное Писание, в начало которое есть канон, парадигма случившегося: оно есть метод для каждого мгновения пути. И вот как Джуссани отвечает: «Они поверили не потому, что Христос говорил определенные вещи, они поверили не потому, что Христос совершал чудеса, они поверили не потому, что Христос цитировал пророков, они поверили не потому, что Христос воскрешал мертвых. Сколько людей (подавляющее большинство) слышали, как Он говорил, слышали от Него те слова, видели, как Он совершал чудеса, и все же для них события не случилось. Событие было чем-то, частью чего являлись чудеса или слова, они являлись составляющими, факторами, но событие было чем-то иным, чем-то бóльшим, настолько инаковым, что наделяло смыслом и слова, и чудеса» (Л. Джуссани. *«Живет то, что живет в настоящем»*. С. 5).

Так почему же люди поверили? «Люди поверили благодаря тому, каким предстал перед ними Христос. <...> Они поверили из-за присутствия. Не из-за присутствия плоского и невыразительного, не из-за безликого присутствия: это было присутствие с очень конкретным лицом, присутствие, исполненное слова, то есть исполненное предложения». Однако, как мы часто видим, «не любое присутствие, несущее в себе предложение, исполнено смысла» (Там же. С. 6): предложений мы слышим множество, но какие из них способны притянуть нас?

Когда же становится очевидным, что мы обнаружили присутствие, исполненное смысла? Когда мы замечаем, что притянуты, захвачены, как грешная женщина, как в самом начале. А это происходит только перед лицом «радикальной новизны... [отец Джуссани описывает ее] в терминах „неожиданная“, „непредвиденная“... [перед лицом того] ...чего не могло быть, и вот оно здесь». Предложение исполнено смысла, когда оно «вовлекает в этот смысл человека, который его несет», то есть когда оно совпадает с присутствием человека, полностью вовлеченного в смысл, который он несет. Речь о присутствии, «несводимом к прошло-

му» (Там же. С. 7), о присутствии, выражающем нечто большее, непредвиденном, неожиданном, том, которого не было, и вот оно есть. Если это не так сейчас, если это не изумляет нас сейчас, значит, христианство для нас превратилось в прошлое. Тогда как «живет то, что живет в настоящем», то, что есть, чего не могло быть, а теперь оно здесь. И вот знак этого: при столкновении с чьим-то присутствием, присутствием, которые не мы произвели, реальным, объективным, вне нас, у нас, у меня возникает вопрос: «Кто сей?» (Мф. 8:27).

Вопрос этот описывает то, что продолжает происходить и сегодня, в том числе и через нас. Я думаю о людях, которые сталкиваются с нашим присутствием, когда мы вместе или когда мы одни, в самых разных обстоятельствах (я имею в виду множество рассказов о встречах, случившихся на каникулах общины, на работе или в университете), и, видя инаковость нашей жизни, видя новую человечность, которую благодать Божия формирует в тех, кто ее принимает, они спрашивают: «Да кто же ты, кто же вы? Почему вы такие?» Спустя две тысячи лет в мире вновь звучит тот же вопрос.

Но как он возникает? Этот вопрос – сопутствующий признак, указание на что-то иное, на что-то вне нас. Вот, собственно, вся проблема: когда кто-то задает нам такой вопрос, нужно понять, о чем нам это говорит. Порой мы остаемся немного в удивлении, немного в ступоре и не спрашиваем себя: «Что должны были увидеть люди, чтобы задаться таким вопросом?» Они оказались перед присутствием, выразившим «большее», нечто превосходившее природные качества, или усердие, или добрую волю тех, кто был перед ними, нечто доселе невиданное («Никогда мы не видели такой человечности!»). В противном случае и вопрос не возник бы! Вопрос свидетельствует о Присутствии, которое больше нас, которое проявляется в нас, в людях, как мы («что-то в нас есть», если перефразировать слова отца Джуссани, процитированные в упражнениях). Вопрос рождается от изумления перед «действенным ответом» на жажду сердца, то есть перед живым Христом, вопрос рождается перед исключительностью присутствующего Христа, даже если она еще не признана как таковая.

Если бы Христос не присутствовал (в человеческих знаках), не было бы ни изумления, ни вопроса: изумление, выливающееся в вопрос, возникает исключительно перед живым присутствием.

Но и мы должны присутствовать, будучи нищими, открытыми и готовыми, подобно беднякам, просящим подаяния, ожидая, чтобы появилось присутствие на высоте человеческого желания. Можно находиться перед феноменом иной человечности и оставаться слепыми: исключительность есть, а мы ее не видим, не изумляемся ей, и в нас не рождается никакой вопрос.

Нередко, хотя мы и погружены в это присутствие, в нас не возрастает изумление, дающее начало вопросу, и мы говорим: «Нам уже все известно». Когда я слышу такие слова, у меня опускаются руки: ни грамма изумления! Не удивительно, что у нас не возникают вопросы! И потому, если мы увезем домой хотя бы только один вопрос: «Кто Сей?» – участие в сегодняшней встрече окажется небесполезным.

Мы можем проверять это ежедневно: как часто некое присутствие изумляет нас и притягивает, словно магнитом, и как часто, напротив, мы «разглагольствуем», повторяя слова или описывая факты, пусть даже поразительные, без всякого изумления перед тем «большим», что происходит на наших глазах, и без всякого вопроса? Так становятся скептиками, поскольку мало знать правильные вещи, вызов, сформулированный Галимберти, нам этого не позволяет, недостаточно и говорить правильные фразы. Мы можем и дальше принадлежать к ассоциации, но, вернувшись, Он не найдет среди нас никого, кто еще способен изумляться Его присутствию, кто действительно признает Его в плоти измененной человечности. На карту поставлена не ассоциация, а вера. Вера же есть не что иное, как признание Его присутствия в настоящем, присутствия, которое продолжается сейчас, как и две тысячи лет назад.

Христос не заключен в прошлом, Его событие, покорившее каждого из нас (а иначе нас бы тут не было), не хранится в музее (помните, как нам на площади Святого Петра говорил об этом папа Франциск?), оно не относится к воспоминаниям о минувших временах: оно совершается здесь и сейчас, совершается во плоти! Прошлое не хватит, чтобы сделать веру для каждого из нас интересной сегодня, как не хватало его и в самом начале. Необходимо было, чтобы случилось что-то в настоящем.

«И приходят в Капернаум; и вскоре в субботу вошел Он в синагогу и учил [для людей привычно было пойти в синагогу послушать, как кто-то проповедует, но в этот раз их ждало первое потрясение]. И дивились Его учению [многие учили, многие, комментируя Писание, выступали с предложениями, но], ...Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники. В синагоге их был человек, *одержимый* духом нечистым, и вскричал: оставь! что Тебе до нас, Иисус Назарянин? Ты пришел погубить нас! [Даже бесы признавали Его!] знаю Тебя, кто Ты, Святой Божий. Но Иисус запретил ему, говоря: замолчи и выйди из него. Тогда дух нечистый, сотряси его и вскричав громким голосом, вышел из него. И все [слыша слова Иисуса и видя Его действия] ужаснулись [изумились], так что друг друга спрашивали: что это? что это за новое учение [несводимое к прошлому, к уже известному], что Он и духам нечистым повелевает со властью [от которой рождается новый народ], и они повинуются Ему? И скоро разошлась о Нем молва по всей окрестности в Галилее» (Мк. 1:21–28). Люди часто слышали толкование Писания, но не изумлялись. А в тот день они оказались перед кем-то, облеченным властью, перед авторитетом, который говорил нечто новое, и у них возник: «Что это?»

О решающем значении этого авторитета свидетельствует лично отец Джуссани. Послушаем его!

Из беседы отца Луиджи Джуссани с членами *Memores Domini* (Милан, 29 сентября 1991 г.)

Расшифровка записи, воспроизведенной во время Дня начала года 28 сентября 2019 г. и хранящейся в историческом архиве церковной ассоциации Memores Domini. Cf. La gioia, la letizia, l'audacia. Nessuno genera, se non è generato // Tracce-Litterae communionis. N. 6. 1997.

Луиджи Джуссани

Каков наиболее важный фактор для существования народа как такового, для существования компании как таковой, для существования народа как такового, народа, в который мы призваны, компании, частью которой мы являемся, места пророчества, места, провозглашающего, что Бог есть всё, подлинного места религиозного чувства?

Наиболее важный фактор народа как такового, компании как таковой, – это то, что мы называем авторитетом.

Крайне необходимо разрушить, вплоть до последнего камня, образ авторитета или наставника как некоего «робота», словно речь об индивидах, заперевшихся в башне, откуда они и руководят, откуда подают сигналы, откуда управляют ходом вещей.

Авторитет, наставник есть самая настоящая противоположность власти, нет в нем ни черточки, ни штришка от слова «власть». И потому нет и намека, если говорить о понятии авторитета в народе Божием, ни на каком уровне нет и намека на след страха, ибо власти соответствует страх, и, чтобы освободиться от страха, человек должен пустить власть побоку.

Что же такое этот авторитет? Дам определение. [Авторитет] есть место (потому что и ты тоже – место, нет? человек есть место), место, где борьба пророчества и проверка пророчества, место, где борьба и проверка того, что наше предложение, предложение Христа отвечает ощущениям сердца... авторитет есть место, где борьба за утверждение и проверка того, что предложение Христа истинно, то есть отвечает на ощущения, на потребности сердца (на религиозное чувство, вытекающее из потребностей сердца, которое замечает ответ, находящийся перед ним), где эта борьба прозрачнее и проще (и потому она не внушает страха), где она спокойнее. Авторитет есть место, где сопоставление ощущений, потребностей сердца и ответа, содержащегося в Христовой вести, прозрачнее, проще и потому спокойнее.

Пазолини в одном из своих текстов, который я часто цитировал в последнее время, говорит, что люди не воспитаны, молодежь не воспитана: если кто их и воспитывает, то своим собственным бытием, а не нотациями.

Авторитет есть место, где связь между потребностями сердца и ответом, который дал Христос, прозрачнее, проще, спокойнее. [Это] означает, что авторитет есть бытие, а не источник речей. Речи – тоже со-

ставная часть этого бытия, но только как отражение. В общем, авторитет есть личность, глядя на которую, видишь, что слова Христа соответствуют сердцу. Именно это ведет народ.

И вот вторая мысль: проблема не в следовании. То есть следовать нужно, но слово «следование» не описывает следование исчерпывающе и подобающе и наилучшим образом, тут больше подходит слово «сыновство». По отношению к авторитету мы дети. Сын берет корни от отца, перенимает их, он сформирован тем, что передается ему от отца, он состоит из своего отца. И потому он весь охвачен. Авторитет охватывает меня всего, это не слово, которое внушает мне страх или боязнь или за которым я «следую». Он охватывает меня. И поэтому слово «авторитет»... синонимом к слову «авторитет» может быть слово «отцовство», способность порождать, генерировать, передавать *genus* (род – *лат.*), передавать корень жизни. Корень жизни есть мое «я», охваченное, измененное этим отношением.

Из слова «авторитет», перекликающегося со словом «отцовство», вытекает слово «свобода», авторитет порождает свободу. Быть детьми – свобода. В Евангелии не раз об этом говорится: «Скажи, – обращается Иисус к Петру, – должен ли сын царя платить царю подать? Нет, это дело слуг, ибо то, что принадлежит отцу, принадлежит и сыну».

Поэтому авторитет является истинным или действительно переживается на опыте как таковой, когда он позволяет вспыхнуть моей свободе, позволяет вспыхнуть моему личному сознанию и моей личной ответственности, моим личным сознанию и ответственности.

Вот почему, как справедливо было подмечено, когда Иисус обратился к ученикам и сказал: «А вы за кого почитаете Меня?», – и Петр ответил: «Ты Христос, Сын Бога живого», – вопрос Христа помог Петру перейти от логики друга (раньше он был другом, знакомым) к ответственности личного сознания, к упорядочению личной ответственности. Под свою ответственность он сказал: «Ты Христос, Сын Бога живого». Его дружба со Христом в тот момент внезапно озарилась личной сознательностью и ответственностью, сознательностью и ответственностью, которые ее выражали.

Нет отношения с местом авторитета, с тем, кто является авторитетом, если ты не чувствуешь, как вспыхивает твоя свобода: в твоей личной сознательности и в твоей личной ответственности.

И третье: авторитет, если он представляет собой источник такой свободы, становится местом утешения и позволяет всей компании, всему народу стать местом утешения. В каком смысле? Это место утешения, потому что, если я вижу человека, в котором Христос победил, побеждает, торжествует, убеждает и меняет, демонстрирует, насколько Он соответствует потребностям сердца, если человек показывает мне это, свидетельствует мне об этом, если, видя его, я понимаю, что с ним происходит так, тогда я начинаю понимать, что и в компании происходит [то же]; и тогда, в каком бы состоянии, в каком бы настроении я ни был, мало ли шагов проделал или много, меня наполняет утешение: «Заповеди Твои – источник радости», утешения, ибо Христос побеждает.

Авторитет – место, где становится очевидным, что Христос побеждает. Что значит, что Христос побеждает? Что Христос даже в видимости, даже в наиболее внешних проявлениях подтверждает Свое соответствие, соответствие потребностям сердца, убедительное, пророческое. И так случится и со мной. Кажется, будто это невозможно. Но и для того человека, который является авторитетом, это было невозможно, а теперь возможно, реально. Христос побеждает.

Итак, авторитет есть место отцовства, где новая жизнь – та, в которой Христос отвечает сердцу, отвечает на то, ради чего сотворен человек, в которой Христос отвечает сердцу, – прозрачнее, прозрачнее и яснее. Вот что такое настоящий авторитет. И потому авторитетом может быть простая женщина, кладущая монету в сокровищницу храма, – в большей степени, чем даже начальник фарисеев.

Такой отцовский авторитет, способный породить, выражается в опыте большей свободы, личной сознательности и личной ответственности, так что если бы все ушли, если бы все оставили, если бы все предали (как говорилось в прекрасном отрывке, который я цитировал в последний день года, в первый день года), если бы все предали, я бы сказал Тебе: «Да!» Личная сознательность и ответственность. И потому авторитет есть место утешения, где видно, что Христос побеждает. Так авторитет осуществляет истинную свою задачу: он превозносит народ, позволяет понять, что весь народ и вся компания – это место, где Христос побеждает. ■

Хулиан Каррон

Авторитет – важнейший фактор для существования народа, ведь без авторитета народ не рождается. И каждый из нас призван признавать авторитет, в ком бы тот ни проявлялся, поскольку, как мы только что слышали, «авторитетом может быть простая женщина, кладущая монету в сокровищницу храма, – в большей степени, чем даже начальник фарисеев». Из чего это видно? Из того, что «авторитет есть личность, глядя на которую, понимаешь, что слова Христа соответствуют сердцу», и это утешение для всех нас, на каком бы этапе пути мы ни находились.

На школе общины одна наша подруга рассказала: «По личным причинам в прошлом году я решила уйти из Движения и из Братства. Вы спросите: „Почему же ты здесь?“ В мае в моей жизни случилось событие, которое может показаться в высшей степени банальным: когда я направлялась в бар с коллегами, на меня наехала машина. Удар был очень сильным, и меня отвезли в больницу, где я пережила чудесное ожидание; там случилось то, что привело меня сюда сегодня. Я отметила некоторые пункты из упражнений Братства, которые хотела бы подчеркнуть: «„Откуда у меня все это?“ Мы должны как следует понять откуда, а иначе зачем нам возвращаться сюда? Все это происходит от живого Христа». И потом то, что касается «места». Примерно в два часа ночи ко мне пришел врач. Я перепугалась, думала, возможно, дело плохо. Одно я никогда не забуду: взгляд того врача, посмотревшего на меня настолько по-человечески, что я спросила себя:

„Кто же ты такой, если так смотришь на меня?“ И вдруг меня озарило: „Признание, что за человеком стоит что-то еще, что он указывает мне на нечто иное, уже есть в моей жизни“. Я попала в больницу в результате наезда, а вышла из нее „охваченная“ тем взглядом. В последующие дни тот взгляд и тот вопрос постоянно занимали мои мысли. В один прекрасный момент я начала приставать к секретариату Движения, поскольку такой взгляд я уже видела и признала, а признавать его я научилась исключительно благодаря воспитанию, полученному в Движении. Со мной произошел объективный факт, нечто реальное. Люди после аварии говорили: „Ты по-другому смотришь, ты сейчас больше ты. Что с тобой случилось?“ Я не могла объяснить и стала вновь искать Движение. Почему? Потому что не хотела потерять то, с чем встретила! Я хотела сохранить то признание, а единственным местом для этого была школа общины, ведь именно здесь меня научили признавать Христа, жить Им.

Вот человек, в котором Христос победил. «Авторитет охватывает меня всего», – слышали мы от отца Джуссани, он всеобъемлющ, поскольку меня так изумляет, что Христос побеждает в ком-то, кем бы тот ни был, что я не могу не желать отдать все, я неизбежно позволяю всего себя охватить. Авторитет охватывает меня всего. Как пишет мне один из вас: «Моя жизнь состоит в том, чтобы вновь и вновь исходить из признания Присутствия, определенного Присутствия. Лишь так в жизни рождается воодушевление, веселье, радость. Это Присутствие способно добиться от меня того, чего никто другой не добивается. Лишь Христос способен добиться от меня присоединения, привязанности, любви, не сравнимой ни с чем». Понимаете, почему только это в состоянии победить нигилизм?

Но, охватывая меня всего, авторитет парадоксальным образом не порабощает меня, а наконец делает свободным. Авторитет есть «источник свободы», он «позволяет моей свободе вспыхнуть».

«„Этот человек говорит как власть имеющий“. Но что значит власть имеющий [авторитет]? У Данте в третьей песни „Рая“ есть восхитительно совершенная фраза на этот счет: „Я обратился к знаку большего желанья“, – обратился к знаку, к лицу, в котором было больше желанья [чем во мне] и которое, таким образом, рождало желанье. Авторитет есть новое лицо, исполненное „большого желанья“ и пробуждающее в нас „большее желанье“». Отец Джуссани продолжает: «Лишь во встрече с авторитетом настоящая радость начинает просачиваться сквозь нашу дверь, переступать порог нашей личности: глядя на такое новое человеческое лицо, ощущаешь *соответствие* тому, чего ожидает сердце, а значит, открываешь для себя и радость. Без авторитета нет радости; есть, быть может, „удовлетворенность“ или, если угодно, „удовольствие“, но не человеческая радость свободы, мысли и сердца, взгляда и слова» (L. Giussani. *L'avvenimento cristiano*. Milano: BUR, 2003. P. 16–17).

Только когда Христос имеет такую власть над нами, мы можем рисковать, подобно грешнице, засвидетельствовавшей свободу быть самой собой на глазах у всех и не позволившей болтовне, мнениям и реак-

циям окружающих определять ее. Никакой страх не удержал ее, и она не пошла ни на какие компромиссы с господствующим менталитетом. Ей терять было нечего. Все считали ее грешницей, так что же тут терять? Поэтому-то она смогла отважно позволить Христу охватить ее целиком, до самых глубин, – не у себя в комнате, а на виду у всех, – вызвав тем самым всеобщую реакцию, в том числе и реакцию Иисуса. И Он не ошибся, Ему известно было, кто стоял перед Ним. И в Его взгляде на нее, в том, как Он действовал, проявилась вся Его инаковость – несравненная, обезоруживающая.

Сегодня такая свобода крайне важна, чтобы воспитывать, чтобы решиться любить, не обладая, на том расстоянии, которое позволяет передавать Его присутствие, любить, не замораживая при этом нашу человечность; она важна, чтобы не сводить христианство к ценностям – «слишком чистым, слишком бледным», как говорил де Любак в «Драме атеистического гуманизма», чтобы притягивать наше «я» и пробуждать в самой его сердцевине интерес.

Именно поэтому человек желает стать сыном, приобщиться к «корню жизни», которым он охвачен, в котором он видит победу Христа. «Корень жизни есть мое „я“, охваченное измененное этим отношением». Сын свободен излучать ту инаковость, что он несет в себе, что он получил от другого – того, кто непрестанно его порождает. Святой Павел говорит: «Мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа». И как же мы проповедуем? «Мы – рабы ваши для Иисуса, потому что Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа. Но сокровище сие мы носим в глиняных сосудах, чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам» (2 Кор. 4:5–7).

3. Никто не порождает, сам не будучи порождает

Авторитет означает отцовство здесь и сейчас, как мы только что слышали от отца Джуссани.

Это особенно важно для каждого из нас: «Человек не может быть отцом, родителем, если у него нет никакого отца. [Обратите внимание!] Не „если у него не было“ [отца], а если „нет“ [в настоящем] никакого отца. Ибо если у него нет никакого отца, значит, мы говорим не о событии... порождения не происходит. *Порождение – акт настоящего времени*» (L. Giussani. *La gioia, la letizia e l'audacia. Nessuno genera se non è generato // Tracce*. N. 6. 1997. P. II, IV). И это видно издали. У кого есть отец? У того, кого порождают сейчас. Это как когда мы идем в гости к какой-то семье и понимаем, кто там ребенок, кто порождается в тот самый момент, а кто нет. Тот, кто не порождается, защищается, его переполняет страх перед отцом.

«Порядок вещей в отношении с другим остается неизменным, осуществление же отцовства как содержания этого устоявшегося порядка происходит в настоящем. Иметь отца – неизменный порядок вещей, являющийся частью истории человека. Пойди я в 1954 году не в лицей Берше, а в какой-нибудь еще, все сложилось бы совершенно иначе. Порядок вещей остается неизменным, но порождение – которое и интересно в отцовстве – есть присутствие, есть нечто, происходящее в настоящем. И поэтому невозможно породить,

если у тебя нет отца, ты порождаешь лишь благодаря тому, что у тебя есть отец, что ты сам порождаем», ведь „тот, у кого нет отца, ущербен с точки зрения привязанности“. А человек, ущербный с точки зрения привязанности, хотя когда-то у него и был отец, в настоящем его не имеет. Личное отцовство, отцовство порождает „я“, даже не так: оно порождает не „я“, а действие „я“» (*Ibidem*. P. IV).

И следовательно, подводит итог отец Джуссани: «Никто не порождает, сам не будучи порождаем. Не „если не был порожден“, а если „не порождаем“. Такое представление об отцовстве наиболее неприемлемо для культуры Просвещения» (*ivi*), а нередко и для нас, впитавших в себя ее образ мыслей.

Стало быть, чтобы породить сегодня (родителям – детей, преподавателям – учащихся), чтобы начать все заново – как в самом начале, чтобы внести вклад в этот драматичный момент истории, недостаточно воспоминаний о прошлом, необходимо отцовство в настоящем. Чтобы породить сейчас, необходимо присутствие в настоящем, несводимое к прошлому, выражающее «нечто большее», неожиданное, непредвиденное, чего не было и что есть.

Об этом папа Франциск говорил недавно священникам из Папского института заграничных миссий: «Евангелизация – это свидетельство об Иисусе Христе, умершем и воскресшем. Именно Он привлекает. И поэтому Церковь возрастает благодаря не прозелитизму, а привлекательности, как сказал Бенедикт XVI» (*Обращение к генеральному капитулу Папского института заграничных миссий, 20 мая 2019 г.*).

Где же это происходит? Где Он нас привлекает? Он привлекает и притягивает нас там, где люди оказываются перед присутствием конкретного человека, как ты, и спрашивают: «Почему ты такой? Кто ты?» – если они спрашивают это, глядя на тебя сейчас, в настоящем.

Ты, в силу того, кто ты есть, всей твоей жизнью проповедуешь Иисуса Христа, являешь Иисуса. Пазолини, которого цитирует отец Джуссани, размышляя о феномене воспитания, говорит об этом светскими словами: «Если кто... и воспитал тебя, то, уж конечно, самым своим существом, а не разговорами» (*Lettere luterane*. Torino: Einaudi, 1976. P. 44). Вот что такое миссия: когда Христос являет Себя через мою личность, через мое поведение в реальности, то есть когда я свидетельствую, что это Он породил меня таким, сделал меня таким, так дал мне жизнь: как сыну, происходящему от отцовского корня.

Один студент рассказал мне, что какое-то время назад в его студенческую квартиру подселился работающий молодой человек. Он не ходит в церковь и из-за работы ведет образ жизни, довольно отличный от его собственного: ложится очень поздно и никогда не бывает на ужине. Одним словом, студенту казалось, что этот парень «припарковался» в его доме, не более того. До тех пор пока однажды на ужин не заглянул один друг и не сказал в изумлении: «Какая же красивая квартира!» Он увидел вещи, которые студент, живший там, не заметил. В один прекрасный момент из своей комнаты вышел работающий молодой человек (никто не знал, что он дома). Он сел за стол, и гость начал разговаривать с ним. Наш студент не придал

этому значения, но на следующее утро его друг позвонил ему, чтобы сказать: «Послушай, этот парень в серьезном поиске, совершенно ясно, что в вас он что-то увидел». Студент ответил: «Ну не знаю, не похоже...» В то же утро студент решил пойти искупаться на реку и не слишком уверенно предложил соседу: «Хочешь со мной?» И тот: «Да, да, пойдём». Когда они пришли на реку, он начал рассказывать, что значило для него поселиться в их квартире: «Я сразу заметил, что в вас что-то было». «А мы ему не говорили, что многие из нас в Движении». В комнате, в которую он въехал, молодой человек нашел книжку Каррона, оставшуюся от прежнего жильца, «Уникальный голос идеала», и попросил тех, кто был дома, объяснить, кто его соседи. В разговоре на реке он добавил: «Я прочел ее целиком, а потом подарил моему брату, который перешел на пятый курс, поскольку именно это так сейчас нужно». И сказал: «Я хочу лучше узнать вас». И еще: «Научишь меня молиться?» Студент говорил мне: «Накануне я хотел предложить другим прочитать в конце вечера молитву, но потом подумал: с нами и этот парень, лучше не надо, ему-то какой интерес молиться? Короче, я не видел того, что наш гость, слава богу, разглядел, и открытость его взгляда передалась и мне».

Какой нищетой нужно обладать, чтобы позволить человеку, пришедшему последним, порождать тебя! В чем заключается риск, часто подстерегающий нас, как мы видели в этой истории? Очевидность. И в чем она проявляется? В том, что мы больше не изумляемся. Мы смотрим на потрясающие вещи, они находятся прямо перед нами, у нас под носом, но мы их не замечаем, не осознаем, что же в действительности происходит. Нам не удается увидеть, где Христос побеждает, хотя Он побеждает прямо перед нашими глазами.

И сейчас случается то, что случилось в начале, как рассказывается в Евангелии: «Когда же вошел Иисус в Капернаум, к Нему подошел сотник и просил Его: Господи! слуга мой лежит дома в расслаблении и жестоко страдает. Иисус говорит ему: Я приду и исцелю его. Сотник же, отвечая, сказал: Господи! я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой, но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой; ибо я и подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: „пойди“, и идет; и другому: „приди“, и приходит; и слуге моему: „сделай то“, и делает. Услышав сие, Иисус удивился и сказал идущим за Ним: истинно говорю вам, и в Израиле не нашел Я такой веры». Он нашел ее в язычнике! В Израиле Он не нашел такой веры. И потому Иисус добавил: «Говорю же вам, что многие придут с востока и запада [последние, язычники] и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном; а сыны царства [призванные первыми] извержены будут...» (Мф. 8:5–12). И не Он их извергнет в наказание, но они сами изгоняют себя, ибо Его не признали. Последние же способны признать, как сотник, то, чего не признают сыны, которым прежде всех остальных предназначалась весть Иисуса.

Вот в чем драма. Мы, «сыны царства», которые ели и пили с Ним, участвуя в жизни христианской общины, можем не заметить, что происходит, а те, кто появился в последний момент, это замечают. Так мы утрачиваем новизну, привносимую Христом в историю – не в прошлом, а сейчас, новизну, признаваемую

последними, в то время как мы обсуждаем «наши дела» и так оказываемся в плену всеобщего менталитета, в плену правил. Когда недостает изумления, мы попадаем в плен правил и стратегий, как говорится в одной фразе папы Иоанна Павла I, которую часто приводил отец Джуссани: «Подлинная драма Церкви, любящей именовать себя современной [то есть христиан, в конечном итоге поддавшихся всеобщему менталитету], – в ее попытках подправить изумление от события Христа с помощью правил» (Giovanni Paolo I. *Humilitas*. N. 3. 2001. P. 10). Отец Джуссани комментирует: «Когда больше не испытываешь изумления [когда мы уже ничему не изумляемся и не признаем происходящее, пока оно происходит, не признаем событие Христа, озаряющее твое лицо, позволяющее ему проявиться]... неизбежно ввергаешь собственную раздробленную жизнь в рабство правил» (*In cammino*. 1992–1998. P. 107–108).

Напротив, «христианское событие есть встреча с людьми, которые доносят до меня очевидность того, насколько соответствует нашей природе божественное, сжалившееся и вошедшее в нашу жизнь. Эта встреча распахивает мне глаза на самого себя, открывает мне меня, *доказывает свое соответствие* тому, чем я являюсь: *она позволяет мне осознать*, кто я, чего хочу, поскольку дает мне понять, что заключает в себе именно то, чего я хочу... Она словно говорит: „Посмотри [посмотри!], кто ты, а потом попробуй скажи, что я тебе не соответствую; ты себя не знаешь и только поэтому можешь думать, будто я тебе не соответствую, и принимать что-то другое за смысл твоего я“» (*Ibidem*. P. 111–112).

Джуссани предупреждает нас о вечно грозящей нам опасности. О какой опасности? Об опасности думать, что можно стать независимыми от Отца. Он говорит: «По мере того, как идет время, возникает опасность развития, характерного для сына в отношении с отцом: он идет своей дорогой, не оглядываясь на отца», и так «дети уже больше не дети своего отца; поначалу они учатся действовать [смотрите, какое точное описание: часто мы на время становимся «учениками»], а когда могут действовать, то поступают по собственную разумению [научившись действовать, мы поступаем по собственному разумению, охотно обходясь без отца]. <...> Если же человек – сын, он растет и привносит все новое, чему учится, в то, что говорил отец» (*Appunti dal Consiglio di presidenza di CL*, 24 luglio 1992).

Вот вызов, стоящий перед нами в начале этого года: жить в стремлении заметить присутствие, которое нас порождает, авторитеты, которые побеждают нигилизм, присутствие столь исключительное, что мы вынуждены спросить: «Кто сей?»

«Бог любит нас, – сказал недавно папа Франциск, – Он сделался нам ближе, чем мы могли вообразить, Он облекся в нашу плоть, чтобы спасти нас. Эта весть – сердцевина веры, и она должна предшествовать любым нашим инициативам и вдохновлять их. Мы существуем, чтобы делать осязаемой эту близость. Но невозможно говорить о близости Бога, не переживая ее на опыте, не испытывая ее ежедневно...» (Франциск. *Обращение к участникам семинара, организованного Конгрегацией по делам епископов и Конгрегацией*

Восточных Церквей, 12 сентября 2019 г.). Только становясь детьми, только переживая опыт отцовства, мы сможем свидетельствовать друг другу и тем, кто встретится на нашем пути, об ответе на отсутствие смысла, повсеместно распространенное сегодня. ■

© 2019 Fraternità di Comunione e Liberazione